

Метаморфозы современной экономики: опыт теории и отечественной практики

Вместо введения. В сложный для Франции 1827 г. Ж. Ш. Сисмонди сказал: "Сегодня общество находится в совершенно новых условиях существования, по которым у нас нет совершенно никакого опыта" [1, с. 71]. Дж. Кейнс, отражая необходимость поиска позитивных решений для своего более катастрофического периода, писал: "В настоящее время люди особенно ждут более глубокого диагноза, особенно готовы принять его и испробовать на деле все, что будет казаться имеющим хоть какие-нибудь шансы на успех... Идеи экономистов и политических деятелей – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого" [2, с. 518]. Эти слова, написанные в разные исторические эпохи, крайне актуальны и для нашего времени. Дело в том, что глубокие и стремительные перемены, заявившие о себе еще в конце 1960-х гг. в разных регионах мира, в очередной раз испытывают на прочность способность людей уже в начале текущего столетия внести существенные коррективы в свои мысли, желания, отношения, действия и поступки людей, интересы стран и регионов, политические инструменты, чтобы обеспечить тем самым поступательное, гармоничное и вместе с тем устойчивое развитие мир-экономики¹, общества в целом, согласуясь при этом с естественными законами всей среды обитания. Парадокс заключается в том, что в конце XX начале текущего столетий проблема стратегического выбора развития (политико-экономического, социально-нравственного, технико-технологического и пр.) с разной остротой и оттенками обнаружила себя буквально во всех странах. Для постсоциалистических и развивающихся стран ситуация усугубляется тем, что выбрав за "образец" в начале своих реформ модель экономики индустриально развитых стран, сегодня оказалось явно недостаточно знаний на уровне пропаганды об абстрактном "рынке", как впрочем, и обо всей современной экономике. Это, во-первых. Во-вторых, "образцовые" страны после нарушенного в конце 80-х гг. мирового равновесия, а также в силу ряда других причин, по образному выражению З. Бжезинского, вошли в состояние "глобального беспорядка и катастрофы"[3]. Л. Туроу современное мировое состояние назвал "великими разломами", а Сорос оценил его "мировым кризисом капитализма" [4], грозящим не только демократии, но и сложившейся европейской цивилизации в целом.

Некоторые экономисты предлагают для всех стран использовать понятие "переходного периода", которое, по их мнению, характеризует

---

¹ Мир-экономика (Ф. Бродель) в отличие от мировой экономики представляет целостное структурное образование, подчинившее в своем развитии и функционировании национальные экономические системы.

современные тенденции развития и институциональную динамику¹ [5]. Фактические данные подтверждают наметившиеся существенные *онтологические и гносеологические изменения* мир-экономики, которые уже не вписываются в существующий теоретический контекст. Экономист, науковед П. Икинз пишет: "Современная экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее притупился ...Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века" [6]. Последнее обстоятельство требует рефлексии и изменений в первую очередь используемой теории, а не подгонку под устаревшие идеи и модели существующей современной практики. Речь идет об *анализе и оценке теоретического опыта*, требующих иных методологических подходов, других аксиом и более взвешенной исследовательской процедуры, позволившим получить полное, лишённое мифов и спекулятивных представлений о современной действительности в целом и экономической в частности.

Современная политико-экономическая практика есть не что иное, как ***реализованная*** во всем мире и доминирующая в науке ***теория неоклассики***, получившая сегодня характеристику мэйнстрима. И именно с этих позиций может быть сделана инвентаризация философских основ, предмета и некоторых аналитических инструментов экономической науки. За последние годы немало сделано в области критического, но вместе с тем позитивного анализа теории. "Ограничив предмет экономической теории, – пишет М. Блауг, – неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей... Неизбывный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из «вневременных» моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире" [7, с. 650]. Дж. Сорос не являет собой теоретика, но стоит обратиться к его авторитету из-за его практической деятельности, которую он также имеет право обобщить и оценить. "Экономическая теория, – пишет он, – верна в качестве гипотетической конструкции, в которой рефлексивность отсутствует. Когда мы применяем экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину. Это особенно заметно на финансовых рынках, где рефлексивность играет важную роль. Теории рациональных ожиданий и эффективных рынков являются глубоко неверными" [8]. Уже в своей другой работе король финансов отмечал: "...Финансовая гипотеза не должна быть истиной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей" [9, с.

---

¹ Признание термина "переходный период" означает признание фактически упущенных и неожиданных для науки изменений, что для науки как бы не должно быть свойственным, поскольку эвристическая и прогнозная функции являются наиболее значимыми.

24, 101]. Но, например, Г. Беккер и др. авторы указывают на семью, где воспроизводится человек, но где денежные оценки не приемлемы.

Общим результатом проведения политики финансового фундаментализма явилась *виртуальная экономика*. Мир финансов стал практически самостоятельным автономным космосом, утратившим прямую зависимость от физической экономической реальности. К концу XX века на планете уже сформировалось самостоятельное номинальное поле разнообразных валютно-финансовых операций с фантом деньгами, обусловивших противоречивое столкновение этой *квазиэкономики* с экономикой реального сектора. На долю товарооборота из всех свершающихся транзакционных операций приходится лишь 2 % объема сделок мира. Банк международных расчетов оценил объем производных финансовых инструментов в мире на конец 1997 г. в 103 трлн. дол., а на конец 1998 г. эта цифра уже выросла до 150 трлн. дол. За три осенних месяца 1998 г. Федеральной резервной системой США было напечатано 13.8 млрд. дол., а общий объем наличных денег в обращении составил 457.9 млрд. [10, с. 57]. Нобелевский лауреат М. Алле еще в 1992 году в работе "Монетарные условия рыночной экономики" отмечал, что мировая экономика как целое опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов, которые находятся в весьма сложном равновесии... Спекуляция с валютами или спекуляция на фондовых рынках свидетельствует, что мир стал одним огромным казино с игровыми таблицами, распределяемыми по всем широтам и долгам. Генерируется перманентная потенциальная нестабильность и растущее разъединение между финансовой системой и реальной экономикой [11, с. 16]. Стремительно растущие дефициты и государственный долг, который, например сегодня в США превышает более 5.5 трл. дол., создают у многих экономистов представление о том, что "государства в настоящее время живут в бюджетной тюрьме, из которой нет выхода [4, с. 216].

Дело даже не в том, что виртуальная финансовая экономика и накопленный государственный долг создали условия для мирового экономического неравновесия. Парадокс ситуации в том, что сама *кризисность мира обеспечивает* пока еще внушительную *доходность* финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках, втягивая в свою орбиту "большие и маленькие" страны. Базирующийся в Базеле влиятельнейший Банк в опубликованном летом 1997 года отчете впервые констатировал реальный характер угрозы срыва мировой финансово-банковской системы и выход ее за пределы действенного контроля и профессионального прогноза. М. Фридмен анализируя причины кризиса 1998 г. также пишет: "Финансовый кризис в экономиках В. Азии был порожден комбинацией трех составляющих элементов: застоя в Японии, привязки центральными банками обменного курса национальных валют к американскому доллару, а также существования и политики МВФ" [12].

Классическая политэкономия сделали поистине революцию в теории экономики, обосновав вклад в национальный доход и богатство фактора

труда, используя категории стоимость, абстрактный труд, производительный и непроизводительный труд. В структуру ВВП, обоснованием которого выступила неоклассико-кейнсианская теория, начали включать и разного рода услуги. Доля финансовых среди них в ВВП индустриально развитых государств считается уже на уровне 10-19 процентов. Однако с институциональной точки зрения весь финансовый сектор попадает уже в разряд транзакционных отраслей [4; 13]. Транзакционные издержки это своего рода издержки по эксплуатации экономики рыночного типа, объем которых имеет явную тенденцию к росту. Таким образом, согласно теории институционализма эти услуги не создают общественного полезного эффекта, а несут лишь дополнительные издержки по обслуживанию всякого рода транзакционных сделок и защите правомочий собственности и свобод. Следовательно, если не вдаваться в подробности этой сложной и действительно важной проблемы, они, по сути, должны вычитаться из ВВП, а не суммироваться в качестве общих составляющих реального сектора экономики [13, с. 102, 206-207; 14, с. 11]. Эти и другие теоретико-практические проблемы сегодня вызывают оживленные дискуссии относительно расчета основных и ставших даже для нас привычными макроэкономические показатели, но и определения такого важного параметра, как национальное богатство, что диктует необходимость изменения представлений и о *критериях эффективности существующих социально-экономических систем*.

Экономическая наука сосредотачивает свое внимание **на следующих направлениях глобализации:** функционировании финансового рынка, информационной мировой сети, сформировавшимся и развивающимся ТНК, регионализации экономики, интенсификации мировой торговли через электронные формы коммуникации и виды расчетов, тенденции к конвергенции¹. Опустим пока смятения, царящие в самой экономической науке из-за, возникшего в связи с процессом глобализации "запутанного порядка", равно как и названные более конкретные проблемы. Обратимся пока лишь к финансовому проявлению глобализации. Дело в том, что ныне кроме мощного влияния мировых финансов на все происходящие экономические процессы изменился сам подход и методология в экономической науке. Сложный мир экономики стал рассматриваться сквозь денежную призму, распространяя денежные оценки даже на те области, которые никак с ними не соотносятся, создавая тем условия для нарушения институционального равновесия.

Не замечается того важного обстоятельства, что **неоэкономика и глобализация** две стороны одного и того же проявления современности.

---

¹ Впервые о глобализации (globe - земной шар) заговорили американцы в начале 80-х годов 20-го века. Консультант Гарвардской школы бизнеса японец К.Омэ опубликовал в 1990 году книгу "Мир без границ" (Ohmae K. The Borderless World: Power in the Interlinked Economy. Fontana, 1990). В ней он утверждал, что экономический национализм отдельных государств не имеет смысла, поскольку мировая экономика к концу века определяется взаимозависимостью ТНК и влиянием трех центров: ЕС, США и Японии. Термин «глобализация» появился, правда, еще в начале 60-х годов в работах канадского социолога и историка Мак-Луана.

Термин "новая экономика" широко проник как в деловую практику, так и в научную литературу, хотя следует отметить его неоднозначность трактовки. Информационная революция, завершая технико-экономический цикл развития революции промышленной, в свою очередь положила начало принципиальным структурным изменениям во всех сферах и областях деятельности человека, *включая и сознание последнего*. Эти изменения, безусловно, нуждаются в дальнейшем осмыслении и практическом использовании, на чем основывается вся история.

Сам термин «неоэкономика» («новая экономика»), как показывает анализ литературы, трактуется двояко. Во-первых, он употребляется как синоним постиндустриальной, постэкономической ступени развития, в которой органически переплетаются традиционный сектор экономики с новыми элементами, придавая всей системе принципиально иное качество. Во-вторых, в узком смысле слова – это характеристика тех новых изменений, которые возникают в современной экономике. С расширенной, *общетеоретической точки зрения* правильнее говорить о современной экономике как достаточно сложной системе (см. табл. 1) взаимосвязанных технологических укладов, правил и норм поведения, отношений, адекватных организационных форм. Ее технологическая структура, которая, к сожалению, не изучается господствующей теорией экономики, представлена, прежде всего, 1-3 укладами индустриального типа. Основной общественной формой организации и развития для этого этапа выступает производительный капитал, а основным параметром регулирования является средняя норма прибыли предприятий машиностроительной отрасли и нефтехимии. *Формирование новой экономики* соответственно связано с 4 и 5 технологическими укладами. Это, прежде всего, производство и

Таблица 1

Технологические прыжки и циклы

Циклы	1 цикл	2 цикл	3 цикл	4 цикл	5 цикл
Начало цикла (год)	1780	1845	1890	1945	1990
1. Применение	Паровая машина	Поезда	Освещение кино, моторы	Автомобиль, телефон, телевизор, компьютер	Software, мультимедиа, экономика услуг
2. Технология и сырье	Пар	Сталь, уголь	Электричество, химия, нефть	Электроника, ядерная технология	Информационные технологии, био- и генная техника
3. Сети	Торговые сети	Сети транспорта	Энергосети	Коммуникационные сети	Глобальные сети, знания

Источник: Deutschland. 2001. № 2. С. 43.

использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений телекоммуникаций, использование достижений тонкой химии и биотехнологии, космических технологий.

Новая экономика, таким образом, обусловлена, прежде всего, новым технологическим прыжком пятого цикла, о чем свидетельствует таблица 1. Из таблицы следует, что современная экономика усложнилась, изменив свою структуру под влиянием и воздействием тех аспектов, которые свойственны, прежде всего, новой экономике. Свойственные для нее проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношениях. Как влияние, например, электричества проникло во все виды производства в конце 19 в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала *ведущей* в конце 20в. – начале 21 столетия.

В связи с новым технологическим прыжком произошли существенные **онтологические изменения**, с которыми надо считаться людям-практикам, ученым, политикам. Во-первых, сформировалась целостная мир-экономика, малейшие изменения в любой из ее частей приводят к разного рода изменениям и в национальных экономиках. Во-вторых, информация стала самостоятельным ресурсом, имеющим специфическую ценность и весьма отличительный от традиционных отраслей производственный процесс, форму его организации и управления. Доля информационного сектора¹ за последние 15 лет кратно выросла и составляет в развитых странах 45-65% [16, с. 7]. Атрибутивные признаки, которые принципиально отличают информационный ресурс от других ресурсов, вносят существенные изменения в систему отношений, ценовое измерение, политику налогов и пр.

В-третьих, информация и весь информационный сектор является самым мощным источником, генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост. По сути, это дополняет современную теорию эндогенного экономического роста. Например, к 2000 г. в известных странах, имеющих характеристику индустриально развитых, информационный фактор составил 50-75% добавочной стоимости. [17, с. 11]. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, составляющие 25% работающих, производили 56% стоимости нац. дохода². [18, с. 173-174]. Т. Эггертссон отмечает, что если предположить страну j , а y^1 -душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W^1 этот доход

---

¹ Актуальными сегодня является исследования по инвентаризации отраслей на современные, полу-традиционные и традиционные, исходя из их роли в технико-экономическом и социальном развитии.

² Чтобы определить стратегические приоритеты развития в РБ, известны сегодня как жилье, продовольствие, экспорт, также необходимо проанализировать долю каждой отрасли и сектора в ВВП, структуре национального богатства, общей экономической структуре. Думается, приоритеты после этого получатся совершенно иными.

страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y^1_j = f(w^1)$ [19, с. 9].

Следовательно, от степени и активности комплексной разработки научно-информационных и отраслей, обеспечивающих воспроизводство "человеческого капитала", в конечном итоге зависят не только макроэкономические показатели текущего благополучия, но и динамики развития как в "старом", традиционном, так и в "новом" измерении.³

В-четвертых, наметилось изменение в механизме и траектории экономического прогресса. Внедрение информационных технологий, не разрушая традиционных укладов, все же в целом создают новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический эффект (кумулятивный по Т. Веблену, "созидательного разрушения" по Й. Шумпетеру), макрогенераций³, где на гребне волны возвышения совпадают амплитуды различных циклов: технико-технологического, ресурсно-энергетического, капитального, финансового, социально-экономического и информационного. И хотя влияние законов информации на всю совокупность порядков и отношений еще ждут своих специальных исследований, все же уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов информационный цикл является доминирующим.

Информационный цикл отражает, прежде всего, способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации. По мнению Д. Норта и Р. Фогеля, именно *способы мышления и методы сбора информации* являются главными в объяснении экономической истории государств.

Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а траектория его имеет дискретный характер, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные, практические, информационные и психологические изменения людей.

В-пятых, и это вытекает из предыдущих положений, изменяется структура и форма общественного богатства. Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры

---

³ Развитие «новой экономики» внесло необходимость поиска новых агрегированных показателей, способных отражать не только стоимостные результаты экономической деятельности, но и накопленный потенциал хозяйства, не попадающий в рыночную систему оценок, но имеющих общественную значимость, характеризующих возможности и условия развития и роста. См., например, Kagunarathe N.D. Analytics of Information and empiric o x the lufor – Economy // The Information Society. v.u. N 4.

³ О влиянии макрогенераций на эволюционный процесс см.: Маевский В.В. Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы. – В кн. Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000. С.15-30.

создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное, социокультурное или человеческое. Информационное богатство имеет крайне специфическую потребительную ценность. "Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания", - пишет Т. Сакайя. [20, с. 352]. Примером здесь может быть цена галстука или косметики известной фирмы, кратно превосходящую цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которое придало в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы ее популярность.

Если предположить, что экономическая деятельность – это, прежде всего, деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. Информация, таким образом, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии. Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр. может существовать и существует как самостоятельный ресурс, о чем уже отмечалось. В ней находят отражение понятия "экономического времени", о чем когда-то говорили Й. Шумпетер и Н. Кондратьев.

В-шестых, на базе бурного развития электроники, кибернетики, космических спутников связи, программного обеспечения информационная революция осуществила переворот в средствах телекоммуникации, завершив *формирование глобального общества* со всеми его признаками и характеристиками, которые еще только активно обсуждаются. Действительно, благодаря, например, транспортной инфраструктуре, внедрению новых поколений авиационного, автомобильного, водного и железнодорожного транспорта, а также быстрому наращиванию сети международных трубопроводов сократилось экономическое пространство и спрессовалось время, сблизив тем самым расстояние между странами, фирмами, людьми. Всемирная паутина Интернет к 2001 году охватила более 300 млн. пользователей, если еще только в 1991 г. их было всего лишь 5 млн., а в 1996 г. – 60 млн. Через каждые 100 дней информационный объем удваивается, а ежегодный рост составляет 7,3 раза. В результате этого возникла принципиально новая ситуация. Прежде всего резко возросла мобильность капиталов и изменились смысл и формы организации производства, в отдельных видах которого расстояние не имеет решающего значения. Заключать контракты, обучаться можно преодолевая расстояния, что меняет понятие экономического субъекта.

В-седьмых, произошел не только количественный, но и качественный скачок в развитии транснациональных корпораций (ТНК). Прежде всего сами ТНК приобрели свою идейно-концептуальную завершенность. Понятие

периферии и центра благодаря информационным сетям потеряло свое первостепенное значение и смысл. Это изменило структуру, направления и объем инвестиций, а последние, как известно, являются решающим фактором социально-экономического развития. Особенно в долгосрочной перспективе.

С середины 80-х годов индекс роста прямых зарубежных инвестиций значительно опережал аналогичный индекс валовых внутренних вложений и к концу 2000 г. превышение составило более, чем семикратный уровень. Отношение зарубежных активов к мировому продукту возросло с 4,9 % в 1945 г. до 56,8 % в 1995 г. В итоге значительно расширился диапазон возможностей удовлетворения предпочтений потребителя. Электронная форма торговли и расчетов эти возможности превращает в действительность, ускоряя и увеличивая объем транзакционных сделок, а вместе с ними и величину транзакционных издержек. Правда, распределение выгод от внедрения электронных транзакций и фактических транзакционных издержек осуществляется непропорционально из-за отсутствия опыта в подобного рода мероприятиях.

Однако с глобальной точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий [21, с. 18]. Вследствие этого экономики стран как экспортирующих, так и принимающих капиталы сами становятся все более транснациональными и зависимы от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня *международные институты* являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта. Можно для иллюстрации вспомнить высказывание Капицы о принципиальной разнице обмена между людьми яблоками и идеями, обогащающий во втором случае общество на количество воспринятых идей.

В-восьмых, существенно исходя из ограниченности суверенитета страны меняется содержание национальной политики, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической¹. Глобальная политика

---

¹ Об изменении стратегии конкурентной политики на разных стадиях развития государства обоснованно и глубоко писал М. Портер в книге: Портер М. Международная конкуренция. М., 1993. В отечественной же литературе, к сожалению, о конкуренции говорится безотносительно проявления ее различных форм на конкретно-исторических этапах развития. Это тот же «черный ящик», которым была конкуренция и фирма в западной литературе в начале XX века.

определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. [22, с. 19].

И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают "новую экономику". Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны. Но с другой стороны, государство, создающее жесткие границы, также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. Но уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная, т.е. разноступенчатость стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – *глобальную ренту* можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то *новое "экономическое поле"*, которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело используют всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели его, соблюдая известные рыночные правила и демократические процедуры.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, *утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию*. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних

лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях «расколотой цивилизации» [4, 21, 22, 23, 24].

Новая экономика требует и нового теоретического мышления. Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени, влияние силы монополий, воздействующих через цену на социально-психологическое поведение. Логическим продолжением является поиск новой теории для "новой экономики". Некоторые аспекты аналитического восприятия новых тенденций в связи с информационно-компьютерной революцией отражены выше. Здесь зафиксировав лишь отдельные, наиболее важные, на наш взгляд, чисто теоретические проблемы влияния расширения хозяйственной деятельности за привычные рамки производственно-материальной деятельности, существенно изменившие всю систему отношений, но до сих пор остающихся под углом зрения оценки "традиционной" неоклассической теорией.

Прежде всего, теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся в том числе и конкурентную среду¹. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Информационные технологии делают не только предметом труда, но и экономической науки сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах [25, с. 169-294]. Еще ранее экспериментально доказано, что тонкие материи, заметившие себя в исследовательском фокусе, значительно меняют свои свойства. Это означает необходимость пересмотра аксиом. Человек же, принимающий себя как игрок в массе игроков, и понимающий правила игры, вероятнее всего будет

---

¹ Просто знание и знание о знании существенным образом меняет предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем «экономический спектакль» по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот «спектакль» хотя приносит доходы, уже больше не привлекает «зрителей». То есть критикуется как современная практика, так и существующая теория.

Но как возникла современная ситуация и кто ее «режиссеры» -это остается пока существенным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет обстоятельств разнородности олигополистического поведения позволяют выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

выбирать для себя варианты поведения, в которых учтет себя и как наблюдаемого среднестатистического индивида, и выполнит определенные функции наблюдателя, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной "ловушки". Надо отметить, что возможных аналитических вариантов, а следовательно, и вариантов поведения в зависимости от степени достоверности циркулируемой информации может быть целое множество, в котором иногда теряется даже тот, кто запускает ложную или ограниченно правдивую информацию. И для этого есть основание, поскольку впитав определенного качества информацию, люди будут руководствоваться именно последней, даже если она не будет отвечать реальным условиям и практике. И такой факт надо будет признать уже объективным фактом и считаться с ним как с реальностью. Такая и другие аналогичные ситуации, которых может быть множество, еще далеко не изучены, по крайней мере экономической теорией. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать, определяя при этом вероятность выбора потребителем, группой потребителей, например, фанты или принятия очередного политического решения, в котором всегда *присутствуют чьи-то предпочтения* в проведении определенной экономической политики.

Новую теорию нельзя придумать. Можно, отразив вначале ее начальные, а потом и общие положения, которые, так или иначе, уже высказывались в оценке новых тенденций реальных процессов, прописать их непротиворечивой концепцией, обобщив лишь в последующем целостной теорией. Сейчас в части создания "новой теории информационной экономики" можно наблюдать лишь этап генерации гипотез и выдвижения отдельных положений, отражающих изменения и влияния экономики информации. Выскажем некоторые из них. Прежде всего, *в методе проявляется синтез эссенциализма*, т. е. сущностного подхода, *и феноменализма*, рассматривающего экономическую действительность на уровне явлений. И если первый был прерогативой классической политэкономии, то второй использовался экономиксом в интерпретациях позитивизма, нео- или постпозитивизма. Теоретическая экономика, таким образом, как новая отрасль знания, выдвигаемая естественной современной экономической средой, пытается в своих исследованиях использовать так называемый "метод действительного реализма".

Итак, информация из разряда косвенных признаков, принимаемых во внимание экономическими агентами, становится основным ресурсом, услугой и продуктом. Впервые проблема информации как всеобщего товара была затронута в статье А. Харта¹. Более тридцати лет тому назад он доказал, что невозможно преодолеть производственный цикл без притока новой

---

¹ Hart A. Risk, Uncertainty and Unprofitability of Compounding Profitabilities. In: Studies in Mathematical Economics and Econometrics. Chicago, University of Chicago Press, 1942.

информации. Впоследствии концепция стоимости информации получила развитие в статистических исследованиях, некоторых инженерных науках, в науке управления. Что касается экономической теории, то включение информации в область анализа дало основание Дж. Хиксу, П. Самуэльсону, Дж. Дебре и другим современным экономистам в последующем² несколько иначе посмотреть на теорию общего экономического равновесия. В этой теории единственным фактором, определяющим поведение индивидов является цена, которая выполняет главную информационную функцию. Кроме этого неоклассическая теория в своем анализе исходила из аксиомы равного и полного доступа к информации всех субъектов хозяйствования, что далеко от реальности.

Но как показывает более глубокий анализ, на принятие решения оказывает влияние и неценовые переменные или, иначе говоря, сигналы о множестве различных других обстоятельствах. Из этого вытекает, что представленная "традиционной" неоклассической теорией ситуация конкурентного равновесия есть также идеальный частный случай.

Информация – это не только экономическая категория, как утверждает К. Эрроу³. Она своим содержанием выходит далеко за «экономическое поле». Однако в современной экономике информация действительно приобрела устойчивый и экономический статус и, соответственно, характеристики. Прежде всего это товар, обладающий стоимостью и потребительной стоимостью. Специфичность как стоимости, так и потребительной стоимости информации придает в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство неделимости и временного периода существования. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать, например, размером высокой цены на суперпопулярный галстук известной фирмы, которая после прохождения пика моды уже не может стабилизироваться так же, как на зерно после урожайного (неурожайного) года. И никто не будет скупать эти галстуки по дешевой цене в надежде в последующем продать их по цене более высокой. Это является следствием того, что исчезает общественная полезность, которая лишает основу цены на ее повышение.

Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют информационным рынком. И рыночный и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассиками теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности этого общества является, прежде всего, общественным благом. Это своего рода институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества. *Уже не распределение материального продукта выступает основным критерием нарушения прав человека или же проявлением*

---

² Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц и М. Спенс получают в 2001 году Нобелевскую премию за разработку идей теории рынка несовершенной информации. Это свидетельствует о важности этого теоретического направления и необходимости его дальнейшей разработки.

³ Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 98 – 107.

монополизации локальных рынков. Как и государство, так и монополии обязуются под общественным контролем (если это получается) предоставлять необходимую информацию не только "для служебного пользования", но и для социально-политической и экономической регламентации. Парадоксально то, что в современном рынке контроль за качеством продукции должны осуществлять нерыночные институты, поскольку, как пишет К. Эрроу, «индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел» [25, с. 107].

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку участники трансакций не отражают уровень эквивалентных отношений. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые играют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке нематериальных активов интеллектуальной собственности, как в настоящем, так и в будущем.

Известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает меновых пропорций. Оценка предельных издержек и предельной выгоды в части информационной деятельности не имеет, кроме всего прочего, устойчивых критериев. Иначе говоря, информационный обмен всегда сопровождает асимметричность операций и отношений. Во-первых, "заказчик" и производитель информации закладывают далеко не одинаковые критерии в оценку производимого информационного продукта. Во-вторых, этот же заказчик, авансируя производство какого-то научно-информационного продукта, рискует и не получить ожидаемый продукт, контуры которого, кстати сказать, достаточно размыты как по потребительским качествам, так и по обоснованию необходимого объема финансирования. В-третьих, информация обладает свойством целостности, когда ее необходимо полностью представить покупателю для оценки, чтобы можно было принять решение об оплате. Однако полученная информация уже может не оплачиваться по причине того, что она уже получена на этапе первоначального знакомства с ней. В-четвертых, продавец информации, получив деньги за информационную услугу, не лишается последней полностью, как это бывает с материальным товаром. Он может и дальше продавать информацию, делая расходы только для тиражирования. В-пятых, информационный продукт очень сложно оценить по потребительским качествам без квалифицированных экспертов, которых широко привлекают для этого, но которые также подвластны разного рода житейским влияниям. Кстати сказать, консалтинговой и инжиниринговой бизнес это есть не что иное, как практическое проявление деятельности экспертов на рынке информационных услуг. В этом бизнесе *покупатель и продавец участвуют вместе в создании благ.*

Вышесказанное позволяет заключить и то, что информационный рынок имеет тенденцию к монополизации, а, следовательно, к экономической и политической дискриминации. Например, если все фермеры знают прогноз погоды и виды на будущий урожай, то они не будут платить за эту информацию. Однако неоплаченная информация подорвет стимулы для ее воспроизводства в будущем. К тому же фермеры в свои решения могут лишь как-то закладывать информацию о всех лицах, которые ей располагают и о том, как будут поступать будущие конкуренты, располагая какими-то сведениями. Продолжение этой логики приведет к тому, о чем когда-то высказался Ф. Хайек, который конкуренцию определил как *процедуру нового открытия*. Речь идет о том, что накопление информации может вестись как бизнесом, так и правительством для снижения неопределенности, которая в последующем помогает преодолеть риск и конкурентную ситуацию.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон – это закон убывающей доходности, сформулированный в восемнадцатом веке Т. Мальтусом и Д. Рикардо. Как гласит теория, каждое последующее вложение капитала из-за ограниченности ресурсов и под влиянием конкуренции снижает свою отдачу. Высокоприбыльная отрасль притягивает конкурентов, в результате чего начинают расти издержки, снижаться цены, а, следовательно, и доходы. В результате ситуация на рынке стабилизируется. Но это наблюдается лишь в "традиционных отраслях", т. е. таких как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и частично промышленность перерабатывающая. Об этом еще заметил в конце 50-х годов К. Кларк в своей "трехсекторной" экономической модели.

В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. И поэтому почти всегда цены на новые товары в несколько раз превышают их действительный полезный эффект. С точки зрения окупаемости это вполне объяснимо. Более того, заложенная доля рентабельности даже первыми экземплярами удовлетворяет коммерческий интерес инвестора. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь то, что необходимо для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И дажекратно сниженная цена, таким образом, обеспечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги. И получается, что чем больший объем производства (тираж), тем больше получаемый доход.

Фирма, создающая наукоемкую продукцию, получает также дополнительные источники доходов за счет внешнего эффекта от распространения продукта. Например, широкое распространение программы Windows потребовало дополнительных программных приложений, которые уже распространялись на платной основе. Активное влияние внешнего эффекта от распространения ощущается и в отраслях промышленности,

эксплуатирующих средства связи, ибо там вырабатываются нормы, делающие коммуникацию не только необходимой, но и возможной.

Возникает *новая норма*, регламентирующая не только поведение хозяйствующих субъектов, но и придающая целостность современной экономической системе – *средняя норма прибыли высокотехнологических отраслей*. Эта норма прибыли является нормативом и базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким ограничением была средняя норма прибыли промышленного капитала.

Для новой теории принципиально важным является рассмотрение того, что раньше выступало предметом классической политэкономии – производственных отношений современного общества. Неэкономика (новая экономика) экономика, основанная на глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь мир гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые экономические отношения, в которых *производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи*. Связи, таким образом, в современной экономике разрешают противоречия существующих производственных отношений через согласование интересов хозяйствующих субъектов (сторон). Основной же *предмет согласований* этих субъектов в современном регулировании производственных отношений – это *транзакции* и попытка повышения эффективности через снижение транзакционных издержек. Вот как охарактеризовал эти изменения М. Кастельс: "Если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются, то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от объема накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия" [20, с. 502 - 503]. Эта мысль требует не только осмысления, но и проверки на истину. Однако фактом остается то, что эти изменения являются существенной реальностью, в которой современный мир находит свое развитие.

Беларусь как геополитическая, экономическая и культурная национально-государственная единица имеет большие ограничения в выборе экономических и политических форм своего существования. Ее *политика выбора* требует научного осмысления не только своей истории, но и практики, которая является следствием уже выбранной позиции. Какова это была позиция, как она закладывалась, реализовывалась, как она будет трансформироваться в будущем – дело очень непростое и не может быть познано без научного освоения. И вот как раз последнее, т.е. исследование "самых исследований", что входит в предмет метатеории, требует самой серьезной проработки. Преодоление кризиса возможно только преодолением заблуждений и преодолением теоретического кризиса. "В нынешних обстоятельствах нет ничего более важного для каждого мыслящего человека, чем экономическая наука. На карту поставлены его собственная судьба и судьба его детей. ... Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно является фундаментом, на котором стоят современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не только аннулируют экономику; они истребят наше общество и род людской" [26, с. 824, 830].

Литература

1. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М., 1995.
2. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег // Избр. произведения. М., 1993.
3. *Бжезинский З.* Глобальный беспорядок накануне XXI века // США: Экономика, политика, идеология. 1994. №№ 4-5.
4. *Туроу Л.* Будущее капитализма. М., 1999.
5. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
6. Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 57.
7. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
8. *Сорос Дж.* Сорос о Соросе. М., 1996.
9. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
10. *Философия хозяйства.* 1999. N2.
11. *Чибриков Г. Г.* Взаимодействие финансовой системы и реального производства в современном мире // Вестник МГУ. Сер.6. Экономика. 1999. N6.
12. *Фридмен М.* Уроки финансового кризиса // Независимая газета. 23. 10. 1998.
13. *Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. М., 1998.
14. *Wallias J. J., North D. C.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970/Long-term factors in American Economic Growth. Ed. by Engerman S.-Chicago, 1987.
15. США: Экономика. Политика. Идеология. 1999. N 10.

16. Мельянцеv В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // МЭиМО. 2001. № 2.
17. Цвyleв Р. Метаморфоза индустриальной экономики : проблема экономических изменений // МЭиМО. 2001. № 2.
18. Марцинкевич В.И. Человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991.
19. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
20. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
21. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
22. Иноземцев В. Л. Расколота я цивилизация. М., 1999.
23. Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика / Под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М., 2001.
24. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
25. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5.
26. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.